

I. Биографические сведения о Н. И. Ашмарине

Н.И. Ашмарин родился в г. Ядрине в 1870 году. Дед его, из ярославских офеней, впервые прибыл сюда и открыл торговлю. Отец же вскоре после рождения Николая Ивановича переехал в город Курмыш. К нему по торговым делам ежедневно приезжало много чуваш, и молодой Ашмарин сильно заинтересовался ими, скоро научился чувашскому языку и свободно говорил на нем. По окончании Нижегородской (Горьковской) классической гимназии он поступил в 1891 г. в Московский Лазаревский институт восточных языков. Здесь, слушая лекции по турецкому языку, Н.И. Ашмарин поражался сходством строя турецкого и чувашского языков. И на студенческой же скамье он стал собирать материалы для последующих научных исследований по чувашскому языку.

По окончании Лазаревского института с дипломом первой степени (1894 г.) Н.И. Ашмарин с 1 января 1896 г. поступил наставником в Казанскую, так называемую «инородческую» учительскую семинарию и преподавал здесь географию вплоть до ликвидации этого учебного заведения в 1919 году. По совместительству работал он в Казани также цензором татарских изданий (с 16 января 1901 г. вплоть до Октябрьской революции). В 1917 г. Н.И. Ашмарин приглашен был во вновь открытый в Казани Северо-восточный археологический и этнографический институт на должность профессора чувашского и татарского языков. В 1920 г. он перешел на работу в Ульяновск в Чувашский практический институт народного образования, а отсюда в 1923 г. переехал в Баку на восточный факультет Азербайджанского университета. Когда же в Казани при Восточно-педагогическом институте организовалось чувашское отделение, Чувашнаркомпрос пригласил его на это отделение в качестве профессора чувашского языка. Там он работал вплоть до закрытия этого отделения (1926-1931 гг.). Умер он 26 августа 1933 г.

II. Научные труды Н.И. Ашмарина

1. «Очерк народной поэзии у чуваш»

Н.И. Ашмарин почти все свои силы посвятил разработке чувашского и других тюркских языков. Над чувашским языком он работал около 40 лет и опубликовал много ценных работ. Он сравнительно рано включился в научную работу. Еще на первом курсе Лазаревского института, узнав от своих профессоров о большом собрании чувашских песен, представленном в Этнографический отдел общества естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете чувашским этнографом И.Н. Юркиным, он с большим интересом знакомится с этим материалом, тщательно изучает его. В результате этого появляется его статья «Очерк

народной поэзии у чуваш», помещенная в журнале «Этнографическое обозрение» (1892 г., кн. 2-3, стр. 42-64).

В этом очерке Ашмарин верно подметил, что «чувашин весь является в своей песне: местная природа, так гармонирующая с его унылым характером, своеобразные формы общественных отношений, незначительная сфера привязанностей, выработавшаяся под влиянием исторических условий, и несложный кругозор, тонкая наблюдательность, улавливающая все мелочи, выливаются у него иногда в унылой и протяжной, иногда же в живой и дико-веселой песне. Чувашская поэзия представляет чрезвычайное разнообразие в сюжетах. Материал берется отовсюду; самая незначительная, на наш взгляд, даже ничтожная вещь притягивает его внимание и является в его напевах; к самым обыденным явлениям он относится внимательно и повествует о них, как о чем-то таком, что он видит впервые, и что имеет для него весь интерес новизны. В чувашских песнях нет той широты, какая присуща русскому народному творчеству; они заключены в довольно тесный круг местных условий. Ни матушка Волга, ни чистое поле – широкая арена для удалого разгула и вольности – не фигурируют в этих песнях...»

Далее автор рассматривает технику чувашского стихосложения, касается тематики их (бытовые, свадебные и др. песни) и особенностей содержания их. Песни все приводятся в русском переводе. В заключение он приходит к выводу, что «как ни наивна в некоторых отношениях чувашская песня, как ни странна эта узкая изолированность, отсутствие широты, увлечение внешностью, но в общем поэзия чуваш все-таки останется для нас весьма симпатичной по господствующей в ней мягкости тонов, любви к сильному чувству. Чувашин не является в песне исключительно преданным низшим материальным интересам; его самосознание восходит до истинно гуманных взглядов на жизнь; он уже способен углубиться в себя самого, в свой внутренний мир и рассматривать философски то, что его окружает. Он живет не только настоящей минутой: неизвестное будущее часто заставляет его призадумываться; его возмущает людская несправедливость...»

2. «Материалы для исследования чувашского языка»

В указанной выше студенческой работе Ашмарин еще не касается чувашского языка, над ним он начинает серьезно работать на последнем курсе института и по окончании института в Казани. Здесь он весь свой досуг посвящает изучению чувашского языка и собиранию материалов по нему, – и в результате его усиленных исследовательских занятий в 1898 году появляется его капитальный труд под скромным заглавием «Материалы для исследования чувашского языка» (отдельный оттиск из «Ученых Записок Казанск. Университета» за 1897 и 1898 гг.). Работа эта представляет систематический курс фонетики и морфологии чувашского языка. Она состоит из четырех отделов: I. Предисловие I-XXXIV; II. Учение о звуках 1-112; III. Учение о формах 103-344; IV. Приложение: Говоры Козмодемьянского уезда 344-392.

Первый отдел назван им предисловием, вероятно, по ошибке. По содержанию своему он является не предисловием, а введением. Здесь автор трактует о двух главных диалектах чувашского языка, о количестве чувашского населения, о русском элементе в чувашском языке, о влиянии чувашского языка на соседние языки (марийский и удмуртский), о теории Радлова относительно трех периодов потурчения чуваш и о библиографии вопроса.

Фонетика чувашского языка

Отдел фонетики изложен у Ашмарина, можно сказать, безукоризненно. Крупным достижением его сравнительно с его предшественниками нужно считать фонетически точную передачу чувашских звуков и слов. В этих целях он пользуется и общепринятым Яковлевским алфавитом и собственной фонетической транскрипцией. Если до него ни один исследователь чувашского языка – ни Шотт, ни Буденц-Регули, ни Золотницкий, ни Радлов – не мог оперировать чувашским материалом в точной фонетической передаче, то он в этом отношении достиг больших результатов^{1*}. Точность обозначения звуков у него не оставляет желать ничего лучшего. Он тонко отличает различные степени палатальности согласных: полное смягчение обозначает принятым в фонетической транскрипции знаком мягкости ('), незначительное смягчение – начертанием буквы данного звука немного ниже строки. Напр: тимёр – железо: верх. ти^{м'ё}р, низов. тИм ёр. В фонетике особенно много места уделяет автор примерам на соответствие чувашских звуков звукам других тюркских языков (61-102 стр.).

Морфология чувашского языка

В отделе «Учение о формах» Ашмарин подробно рассматривает части речи, т.е. словообразование и словоизменение в чувашском языке. Грамматическая система его представляет собою применение русской грамматической системы к чувашскому языку. При рассмотрении частей речи он учитывает все особенности чувашского языка. Например, излагая о причастиях, он указывает не только причастия, имеющиеся в русском языке (причастие настоящего и прошедшего времени), но и причастия, свойственные исключительно чувашскому и другим тюркским языкам (причастие будущего времени, причастие долженствования, причастие возможности, достаточности и др.). То же самое нужно сказать и о деепричастиях. При изложении как фонетики, так и морфологии Ашмарин принимает во внимание все диалектальные особенности чувашского языка. Вообще грамматическая система его, в которой чувашский язык нашел себе

---

^{1*} От предшественников Ашмарина и нельзя было ожидать научной точности в обозначении звуков: научно-экспериментальное направление в области фонетики зародилось в Европе только в 70-х годах прошлого столетия в младограмматической школе лингвистов.

полное грамматическое оформление, с незначительными изменениями остается в силе и до настоящего времени.

Разработка фонетики и морфологии чувашского языка у предшественников Ашмарина

При суждении о достоинствах и недостатках «Материалов для исследования чувашского языка» Ашмарина нужно иметь в виду и все появившиеся до опубликования этого труда учебные пособия по чувашскому языку. Курсы грамматики чувашского языка появлялись и до Ашмарина. Еще в 1769 г. в Москве появилась первая печатная грамматика чувашского языка под довольно странным заглавием «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»; в 1836 г. в Казани издана была вторая грамматика чувашского языка «Начертание правил чувашского языка», в 1862-63 гг. в Будапеште Буденц на основе материалов Регули опубликовал на мадьярском языке третью по времени грамматику чувашского языка (в журнале *Nyelvtudományi Közlemenyek*). Кроме того, в 1871 г. появились «Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Отдел звуковой, сочинение Н.И. Золотницкого», в 1879 г. опубликовано было сочинение А.И. Добролюбова под редакцией Золотницкого «Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей» и, наконец, в 1894 г. издана была в Казани четвертая грамматика чувашского языка Н. Лебедева, преподавателя чувашского языка Казанской женской (земской) учительской семинарии, под заглавием «Пособие к изучению чувашского языка. По материалам Н.И. Золотницкого». В основание этого пособия положен был уже Яковлевский алфавит и низовое наречие ^{2*}.

Все эти пособия в той или иной степени помогали Н.И. Ашмарину ориентироваться в грамматике чувашского языка, и он частично руководствовался ими ^{2**}. Пособия эти, за исключением работ Золотницкого и Буденца, носили элементарный характер и преследовали чисто практические, учебные цели. Кроме того, они написаны были людьми, сравнительно слабо владевшими чувашским языком, допускавшими большие неточности и искажения. Ашмарин отмечает эти ошибки и исправляет их. Сам же он всячески старается избежать ошибок, включает в свою книгу исключительно строго проверенный материал и дает строго проверенные выводы. Научные данные о чувашском языке Ашмарин нашел главным

---

^{2*} Мы здесь не принимаем во внимание «Сокращенную грамматику чувашского языка» Левека, появившуюся в 1825 г. в Париже на французском языке (*Levesgue. Grammaire abregee de la langue des Tchouvaches JournalAsiaigue Tome VI, 213-224; 267-276*), так как она является не самостоятельной работой автора, а сжатым изложением указанной выше чувашской грамматики 1769 г. с некоторыми замечаниями.

^{2**} Н.И. Ашмарин в своей автобиографии сам же признается, что на путь теоретического изучения чувашского языка натолкнули его сочинения Я.И. Золотницкого и книга Добролюбова «Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка»...

образом в сочинениях Золотницкого, в книге Шотта *De lingua tschuwaschorum*^{3*}. Книгу Шотта он использовал почти на все 100%. Нередко он выписывает отсюда целые отрывки, не указывая иногда источника. Ср. напр: «В сравнении с другими тюркскими наречиями чувашский язык представляется далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений, многочисленных сокращений и усечений, но некоторые формы этого языка носят как будто более древний характер, чем соответствующие им формы в наречиях тюркских». («Материалы», стр. XIX), у Шотта читаем (перевод с латинского): «...Чувашский язык не финского происхождения, скорее он диалект турецкий (тюркский), который вследствие сокращений, усечений и разных звуковых изменений настолько отступил от первоначального типа, что редко представляет слова в их природных, неизменных формах»^{4**}.

Придать научный характер курсу чувашской грамматики много помогли Ашмарину грамматические пособия по тюркским языкам и лекции по турецкому языкознанию, которые читались в Лазаревском институте такими крупными учеными, как профессор Ф.Е. Корш, большой знаток восточных, классических, славянских и новых европейских языков. У Корша Ашмарин консультировался часто по разным вопросам чувашского языкознания и позднее за это выразил ему свою теплую признательность в латинском предисловии к первому выпуску словаря (см. ниже).

Много выиграли в научном отношении «Материалы для изучения чувашского языка» Ашмарина и благодаря тому, что их редактировал известный тюрколог проф. Н.Ф. Катанов, который, помимо того, что давал автору ценные указания по разным вопросам тюркского языкознания, чуть не каждую страницу этой книги снабдил ценными примечаниями от редакции, в которых он указывает соответствующие чувашским словам и грамматическим формам слова и формы из других тюркских языков. Этому же редактору он обязан был и широким знакомством с литературой предмета (см. предисловие, стр. XXXI).

Благодаря всему этому появление рассматриваемой книги Ашмарина в свое время явилось крупным событием в истории чувашского языкознания, и вплоть до самой революции книга эта оставалась самым лучшим и единственным научным пособием по изучению чувашского языка.

Некоторые замечания о «материалах» Н.И. Ашмарина

---

³ * Ашмарин пользовался французским переводом этой книги издания 1876 г., а потому он появление латинского оригинала ошибочно относил к 1860-м годам. На самом же деле последний без указания даты появился в 1841-1842 гг. В *Allgemeines Bucher Lexikone* он показан под 1841 г. (см. т. IX, ч. 2, стр. 263. Leipzig. 1849 г.). Сам В. Шотт в других своих работах доказывает его под 1842 г.

⁴ ** ... *lincuam tschuwashicam non esse fennicae originis, sed dialectam turcicam, per contractionis, aphaereses aliasque sonochum mutationis in universam adeo deformatam, ut genuinas ac integras vocum formas raro exhibeat* (p. 4).

В настоящее время, с появлением как у нас в Союзе, так и за границей целого ряда исследовательских работ по чувашскому языку, по тюркским и финно-угорским языкам, рассматриваемая книга Ашмарина несколько устарела, в ней теперь можно найти некоторые неточности. Например, в предисловии (VIII-XVIII стр.) мы видим не критическое отношение автора к словам, общим чувашскому и марийскому языкам. Все слова, которые по своему звуковому составу и значению напоминали ему чувашские слова, он безоговорочно относил к словам, заимствованным марийцами от чуваш. Между тем в числе этих слов, без сомнения, имеются и такие, которые марийцы могли заимствовать не от чуваш, а непосредственно от казанских татар, и такие, которые сами чуваша заимствовали от марийцев. Например: кӓткӓ – муравей, кӓшӓл – обруч, нӓр – сырость, влага, пӓрт – изба, сӓсмен – хомут, турпас – щепка и др.^{5*}

В отделе фонетики, трактуя о природе и происхождении чувашских гласных, Ашмарин под влиянием господствующего в чувашской письменности низового диалекта предполагает, что верховое «о» произошло из низового «у». «Если звук «у», – пишет он, – не стоит на конце слова и не может стоять на нем, то в этом случае верховые чуваша обыкновенно заменяют его звуком «о». Например: низ. шурӓ, пушӓт, кушак, верх.: шорӓ, пошӓт, кошак» и т.д. (стр. 5). Такое утверждение автора явно противоречит исторической последовательности изменения звуков в тюркских, а равно и в чувашском языках, где звук «у» начального слога слова развился позднее из первоначального «о» (см. об этом подробнее в нашей работе «Введение в изучение чувашского языка», стр. 98-105).

Далее в том же отделе («Учение о звуках») Ашмарин касается вопроса о законе гармонии гласных и указывает особенности проявления его в чувашском языке. Для объяснения же природы и происхождения этого своеобразного фонетического явления он тщательно выписывает две полные страницы немецкого текста из книги Ридля *Magyarische Grammatik* издания 1858 г. («Материалы», стр. 24-26). Средний читатель – чувашин, не вполне овладевший немецким языком, с недоумением будет спрашивать себя, в чем же, однако, заключается теория Ридля о законе гармонии гласных, не существует ли других теорий о нем более позднейших авторов,^{6*} почему автор не дал русского перевода.

Часто употребляемый Ашмариным термин «йотированный л» (в слове шалҫа), «йотированный н» (мӓкӓнь), «йотированный р» (стр. 14-15) нужно

---

^{5*} M. Rasanen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. *Memoires la Societe Finno-Ougrienne*. XLVIII, 7-8. 1920.

^{6*} * Подробнее о взглядах Ридля, его предшественников и последующих ученых о законе гармонии гласных см. в нашей работе «Закон гармонии гласных в чув. яз.», Научно-педагогический сборник Казанского Восточно-педагогического института вып. IV, стр. 53-63. 1928 г.

признать неудачным. В данном случае мы имеем дело просто с палатализованными л, н, р.

Утверждение автора, что в чувашском низовом наречии звук «ч» произносится как мягкое «ц» (стр. 14, 15) также не соответствует действительности. Чувашское «ч», как верховое, так и низовое, в противоположность русскому альвеолярному «ч», является одинаково зазубным, с тем только отличием, что при верховом «ч» кончик языка несколько дальше отходит от зубов, а при низовом он остается очень близко к зубам, от чего получается звук, сильно напоминающий мягкое «т». По этой причине при первоначальном составлении чувашского алфавита Яковлев обозначил его буквой т с хвостиком, в каковом виде буква эта просуществовала вплоть до 1933 года. Отмеченное автором фонетическое явление (произношение ч как ц) имеет место только в индивидуальном произношении и в отдельных говорах небольшого района распространения.

Некоторые погрешности имеются у Ашмарина и в области морфологии. Наиболее крупным недочетом нужно считать то, что автор при изложении этого самого ответственного раздела курса совершенно упустил из виду винительный неопределенный падеж, вернее, неопределенный (основной) падеж, обозначающий прямой объект и выражающийся чистой основой имени без аффикса. Автор имел дело только с одним видом винительного падежа – винительным определенным, сходным с дательным падежом. О существовании же другого, безаффиксного вида, он и не подозревал в то время, когда писал «Материалы»... Только уже позднее, когда обрабатывал свой «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (1903 г.), он обнаружил свою ошибку и стал различать две формы винительного падежа^{7*}.

Другим недосмотром автора является отнесение им слов *пек* – как, подобно и *ашкал* – подобно к частицам (стр. 239-240; Синтаксис, стр. 434-495; 500-504). Как известно, частицы не могут управлять падежом, тогда как слова «*пек*» и «*ашкал*» – управляют род. п. местоимений: *ман пек, манашкал; сан пек, санашкал; ун пек, унашкал, сакан пек, сакнашкал* и т.д. Кроме того, слова эти могут принимать несвойственные частицам притяжательные аффиксы третьего лица: *ман пекки, ман пеккисем, манашкалли, манашкаллисем* и т.д. По всем этим данным слова эти целесообразнее причислить к послелогам, функционирующим в иных случаях в качестве прилагательных и существительных.

Несколько спорными являются также предложенные Ашмариным этимологии ряда чувашских слов. Например, о слове „*сёлёк*“ Ашмарин пишет так: «*сёлёк*» – шапка может быть вместо *силек* от *си* – верх" (стр.

---

⁷ * На наш взгляд, тут нет ошибки: «падежи» винительный неопределенный (хула курса сѳренё), родительный неопределенный (хула илемё) и дательный неопределенный (хула кайнă), как не имеющие своей особой формы, целесообразно рассматривать именно в синтаксисе, а не в морфологии. Прим. ред.

107). Эта же этимология предлагалась много раньше Ашмарина Н.И. Золотницким (Корневой чувашско-русский словарь. 1875, стр. 240). Сомнительность ее видна из того, что в соответствующем ему в тюркских языках слове *йелек*, чаг. йӓлӓк – род шапки, надеваемой царями (Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. стр. 348) первая часть сложения *йа* или *йе* не имеет значения верха.

Об этимологии слова *арӓм* – женщина Ашмарин пишет: «Не происходит ли это слово от арабского *harim* – женщины гарема? (Долгое арабское *и* могло перейти здесь в *ӓ* точно так же, как долгое *у* в слове *panus* переходит у чуваш в *ӓ*: *намӓс* (стыд)» (стр. 141). Нам кажется более естественным видеть здесь сложное слово *ар+ами* – мать мужчины, мать мужа (*vir*), мать героя. В подтверждение этого мы можем привести некоторые данные из чувашской мифологии, где наряду с самими божествами неизменно выступают и матери их: *мӓн турӓ* – верховный бог, *мӓн турӓ амӓшӓ* – мать его, *кӓпе* и *кӓпе амӓшӓ*, *пӓлӓхӓӓ* и *пӓлӓхӓӓ амӓшӓ*, *ырӓ* и *ырӓ амӓшӓ* и т.д. Возможно, что слово это возникло еще в период матриархата, когда женщины занимали почетное положение в обществе. Истинная этимология этого слова остается пока невыясненной.

Далее, чувашское слово «шурӓмпус», «сурӓмпус», по мнению Ашмарина, произошло от слов *сурӓм* – расщелина и *пус* – голова, собственно начало расщелины (стр. 113). Нам кажется более приемлемой другая этимология, по которой это слово производят от глагола *сур* – светить, излучать свет (тюрк. *йар*, *йары*, *йару*) и *пус* – голова, начало, отсюда *сурӓмпус* – начало света, начало утра. Корень *сур* в настоящее время сохранился только в слове *сурта* – свеча (первоначально, возможно, оно имело значение света)*⁸; Ср. куманд. *тан ярып кӓлди* – утренняя заря показалась; **⁹ буквально заря освещающая пришла – *шурӓмпус сурӓлса килчӓ*.

На эти недочеты мы указываем для того, чтобы предупредить наших студентов и учителей, что в настоящее время нельзя догматически, без критики усваивать все положения и выводы Н.И. Ашмарина, что некоторые из его выводов нуждаются в значительных коррективах, так как наука не стоит на месте, а идет вперед.

Н.И. Ашмарин как диалектолог

В приложении к книге «Материалы для исследования чувашского языка» Ашмарин дает описание говоров 7-8 селений Козмодемьянского уезда (ныне Сундырского района) в пограничных с черемисами (марийцами) районах. Это говоры селений Малого и Большого Карачкина, Больших и Малых Бурнаш, Верхних Олгашей, Тептей, Ирзей, Мижар и др.

⁸ *В. Munkacsi. *Hajnal hasad. Keleti szemle* II, 239-240. 1901.

⁹ **В. Радлов, Опыт словаря тюрк, нареч. III, 120.

Происхождение этих очеремисившихся говоров автор объясняет следующим образом: «Значительное изменение языка на этих чувашских окраинах произошло, конечно, не столько от постоянных взаимных отношений двух народностей, сколько от смешанных браков, которые составляют у чуваш и черемис обычное явление. В селе Малом Карачкине почти в каждой семье есть женщины, взятые из черемис. Эти черемиски, вышедшие замуж в чувашскую деревню, обыкновенно никогда не овладевают вполне чувашской речью, и таким образом их неправильный, смешанный язык переходит и к их детям» (стр. 345).

Далее автор отмечает ряд фонетических и некоторых морфологических особенностей этих говоров и тем заканчивает свое описание. Он не касается ни лексики, ни синтаксиса этих говоров, не дает также никаких образцов связной речи по этим говорам. Вообще настоящее описание говоров у Ашмарина носит какой-то отрывочный, незаконченный характер, оно не дает читателю полной, целостной картины развития рассматриваемых диалектов. Если к данному очерку подойти с точки зрения тех требований, какие выставил Энгельс в своем исследовании «О франкском диалекте» (иначе мы и не можем поступить), то он не выдерживает критики. Надлежащее изучение диалектов возможно только на исторической основе, оно должно быть глубоким, всесторонним, включать в себя не только явления фонетики и морфологии, но и синтаксиса и лексики, как это делает Энгельс. Последний учитывает всю совокупность признаков каждого диалекта и исторические предпосылки его развития, начиная со стадии племенных говоров через все последующие переоформления...

Однако неполноту характеристики указанных говоров мы не можем поставить автору в вину. «Говоры Козмодемьянского уезда» не являются у Ашмарина отдельной, самостоятельной монографией, а входят в состав его «Материалов», где он трактует о фонетике и морфологии чувашского языка. По-видимому, автор, включая их сюда в качестве приложения, хотел только показать, насколько далеко отступают описываемые говоры в области фонетики и морфологии от общих норм чувашского литературного языка. И это ему вполне удалось. Н.И. Ашмарин много занимался живыми современными говорами чувашского языка и накопил большой материал, но не успел окончательно обработать его и издать. В своих трудах он освещает чувашский язык во всем его диалектическом разнообразии.

Таким образом, в «Материалах для исследования чувашского языка», в этом, можно сказать, почти юношеском труде (тогда Н.И. Ашмарину было 26-27 лет) сказался весь Ашмарин с лучшими задатками ученого. Здесь он затронул и превосходно осветил почти все главные отрасли чувашского языкознания: и фонетику, и морфологию, и диалектологию, и этимологию. И эта работа, несмотря на некоторые отмеченные выше неточности, была для своего времени большим достижением. В ней чуваша приобрели себе первую, наиболее совершенную научную грамматику своего языка. Прекрасно оценил значение этого труда Ашмарина крупный дореволюционный деятель по народному образованию чуваш И.Я. Яковлев.

Как только получил он от автора эту книгу, принес ее к нам, воспитанникам старшего класса Симбирской учительской школы, на очередной урок педагогики и сказал: «Смотрите, вот какой крупный и ценный подарок сделал нам, чувашам, русский ученый!» Далее он в немногих словах охарактеризовал личность Н.И. Ашмарина и дал высокую положительную оценку этому труду его.

3. «Опыт исследования чувашского синтаксиса»

Продолжением «Материалов для исследования чувашского языка» Ашмарина служит его «Опыт исследования чувашского синтаксиса», первая часть которого появилась в Казани в 1903 г., XII. 570 стр., а вторая часть – в Ульяновске в 1923 г., 276 стр. IV *¹⁰. Третья часть синтаксиса осталась в рукописи в необработанном виде. В первой части содержится: общие замечания о строении и составе предложения (стр. 1-49), употребление множественного числа (стр. 50-87), главные случаи употребления падежей (стр. 90-378), определительные предложения (стр. 378-470), предложения-имена (стр. 470-547). Во второй части: употребление деепричастий (стр. 1-40), о вспомогательных глаголах (стр. 40-108), условные предложения (стр. 108-128), употребление супинов (стр. 128-143), окончательные формы глаголов (стр. 143-237), употребление глагольных форм с частицами (стр. 237-241), особые случаи употребления причастий (стр. 241-267), отглагольные имена на -у, -ÿ (стр. 267), примечания (стр. 268-276).

Если в области разработки фонетики и морфологии чувашского языка у Ашмарина все же были предшественники (Шотт, Золотницкий, Буденц и др.), наследством коих он в той или иной мере воспользовался, то в области синтаксиса он не имел предшественников, и научной разработкой чувашского синтаксиса мы всецело обязаны ему одному. Из существовавших в то время курсов синтаксиса по тюркским языкам («Грамматика алтайского языка». Казань. 1869 г., «Опыт исследования урянхайского языка» Н.Ф. Катанова. СПб 1903**¹¹ и «Краткой грамматики киргиз-казахского языка» П. Мелиоранкого 1894-1897 гг. и др.) и из институтских лекций по турецкому синтаксису он мог почерпнуть только общие указания, общие схемы построения синтаксиса. Над всеми же особенностями чувашского синтаксиса и подбором соответствующего текстового материала приходилось упорно работать ему самому. Н.И. Ашмарин вполне справился с этой работой.

---

¹⁰ * Появление второй части «Синтаксиса» в свет частично обязано пишущему эти строки. Я упросил членов Чувашсоюза, где брат мой был тогда председателем, издать его за счет Союза. Симбирская типография ежемесячно осаждала Чувашсоюз телеграммами стереотипного содержания: «Ввиду вздорожания цен на рынке типография повышает цены на 30 или 40% против договора, в противном случае прекращает дальнейший набор «Синтаксиса» Ашмарина». Чувашсоюз ответными телеграммами о согласии довел печатание до конца и всю продукцию сдал потом Чувашнаркомпросу.

¹¹ ** Отдельный оттиск из «Ученых Записок Казанского Университета» за 1899-1903 гг.

Синтаксис его производит впечатление глубоко и всесторонне продуманного труда. Многие разделы его отличаются необычайным богатством содержания, разнообразием творческой мысли и глубиной анализа. Местами автор очень тонко подмечает прямо неуловимые оттенки смысла, скрывающиеся в некоторых однородных формах. Он вскрывает такие тонкости в языке, которые даже природному чувашину не всегда доступны. Например: «чѣпсене астăвах тăрать» и «чѣпсене астусах тăрать» (II ч., стр. 8). В первом случае смысл тот, что он время от времени смотрит за цыплятами, посматривает за ними, а во втором случае он смотрит, наблюдает за ними все время, не спуская глаз. При изложении каждого синтаксического явления или правила автор иллюстрирует его большим количеством примеров.

При составлении чувашского синтаксиса Ашмарину приходилось преодолевать большие трудности. Он часто наталкивался на факты языка, не укладывающиеся всецело в обычные рамки синтаксиса европейских языков. Например, весьма часто встречаются здесь своеобразные причастные обороты, имеющие в отличие от русских и свое подлежащее и по значению соответствующие придаточным предложениям. С одной стороны, они напоминают предложение, а с другой – составное имя. После некоторых затруднений и колебаний Ашмарин нашел им наименование – «предложение-имя». «Под предложениями-именами, – пишет он, – я разумею в чувашском языке те предложения, которые, теряя свою самостоятельность, входят в состав другого предложения как один из составляющих его элементов. В чувашском языке подобные предложения конструируются следующим образом: сказуемое самостоятельного предложения заменяется причастием, а это последнее принимает суффикс притяжательный 3-го лица. Так, например, из самостоятельных предложений: *сумӑр сӑвать* – идет дождь, *сумӑр сурӗ* (*сунӑ*) – шел дождь, *сумӑр сӑвӗ* – пойдет дождь – получим следующие предложения-имена: *сумӑр сун* – то, что идет (шел) дождь (ирхине *сумӑр сун* халӗ те паллӑ – до сих пор заметно, что утром шел дождь), *сумӑр сӑвасси* – то, что пойдет дождь» (II, стр. 470-471) и т.д.

Необходимо, однако, заметить, что синтаксис Ашмарина носит статический характер. Он описывает синтаксические явления чувашского языка не в историческом разрезе, а в современном состоянии. Здесь он совершенно не касается вопросов исторической последовательности развития структуры и типов чувашского предложения и других синтаксических явлений.

В «Опыте исследования чувашского синтаксиса» у Ашмарина можно заметить некоторые промахи технического характера. В нем (во II части) несколько страдает четкость и плановость расположения материала. Например, во II-ой части синтаксиса в двух разделах излагает он о вспомогательных глаголах. В первом разделе «О вспомогательных глаголах» перечисляет только вспомогательные глаголы (стр. 40-51), во втором разделе «Примеры на вспомогательные глаголы» дает уже одни примеры, не

указывая самих глаголов, и примеры эти занимают целых 58 страниц (стр. 51-108), что представляет большое неудобство для читателей.

Далее, автор на протяжении двух частей курса ничего не говорит ни о сложносочиненных, ни о сложноподчиненных, ни о придаточных предложениях. Но прямо, вне связи с предыдущим (Употребление падежей) в первой части дает «Определительные предложения» (378-470), начиная этот раздел так: «Общая форма построения определительных предложений в чувашском языке следующая: русское относительное предложение опускается, а глагол вместо окончательной формы полагается в причастии; определительные предложения ставятся перед тем именем, которое они определяют». Затем следуют примеры. Точно так же и во второй части синтаксиса без связи с предыдущим (О вспомогательных глаголах) и с последующим (Употребление супинов) помещает «Условные предложения» и совершенно умалчивает о том, существуют ли в чувашском языке другие виды придаточных предложений, какие из них свойственны чувашскому языку, какие нет и какие из них только зарождаются.

Два рассмотренных главных труда Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка» и «Опыт исследования чувашского синтаксиса» имеют первостепенное научное значение, но ими далеко не исчерпывается его научная деятельность. Он столь же продуктивно продолжал работать и по изданию этих трудов.

4. «Словарь чувашского языка»

Не менее велико значение проф. Н.И. Ашмарина и в области чувашской лексикографии. Бессмертной его заслугой перед чувашским языкознанием является, бесспорно, его классический труд – многотомный «Словарь чувашского языка». Было время и не так уж давно, когда этнографы, публицисты и, отчасти, лингвисты, как свои, так и западноевропейские, с легкой руки писательницы А. Фукс, все в один голос стереотипно повторяли, что «чувашский язык очень беден, что в словаре его содержится всего только 1646 слов» *¹². Теперь это время прошло безвозвратно. Н.И. Ашмарину в своем монументальном 17-томном словаре удалось зафиксировать не менее 40.000 слов. Над чувашским словарем Ашмарин работал свыше 30 лет. Приступая к составлению словаря, он предварительно в 1900 г. опубликовал и разослал «Программу для составления чувашского словаря». Казань. 6 стр.**¹³. В ней он просит чувашскую интеллигенцию оказать ему содействие в собирании необходимых материалов, касающихся языка, быта, нравов, обычаев и мифологии чуваш.

---

¹² * Заметки о чувашах и черемисах. Казань. 1810 г. стр. 133.

¹³ ** Отдельный оттиск из XVI т. «Известий обществ» археологии, истории и этнографии», стр. 243–248.

До революции дело с изданием чувашского словаря обстояло, однако, очень плохо. Только благодаря содействию упомянутого выше проф. Казанского Университета Н.Ф. Катанова, который состоял председателем Переводческой комиссии при Казанском учебном округе, на средства этой комиссии удалось выпустить в свет две первых книжки словаря на – букву «а»: I в. *а – алăк*. 1910; II в. *алăк – апăрт*. 1912.

Словарь имеет заглавие на трех языках – чувашском, русском и латинском: Чăваш сăмахёсен кёнеки. Словарь чувашского языка. Thesaurus Linguae Tschuwaschorum (сокровище языка чуваш).

В предисловии к словарю, написанном на латинском языке, о своем отношении к словарной работе и об особенностях своего словаря Ашмарин пишет следующее: «Я сделал все, чтобы не только собрать отовсюду возможно больше материалов, необходимых для истолкования чувашских слов, не только тщательнейшим образом исследовать значения отдельных слов, но также изобразить самую жизнь и обычаи народа, при чем не одной определенной местности, а многих местностей, поскольку это кажется неизбежным для правильного понимания его речи, ибо язык каждого в отдельности народа теснейшим образом связан со всеми его обычаями и установлениями». Далее он здесь выражает глубокую благодарность своему учителю «высокоученнейшему мужу, члену Академии Наук Федору Коршу, который, несмотря на сильную загруженность работой, не отказывался просматривать тщательнейшим образом корректурные листы словаря и, где это было нужно, сопоставлять факты чувашского языка с соответствующими фактами других языков, а также иногда указывать и происхождение чувашских слов, что автором не было предусмотрено». Не забывает он здесь поблагодарить И.Я. Яковлева, который систематически снабжал автора не только печатными чувашскими изданиями, но и рукописными сборниками с произведениями народного творчества, «которых, – прибавляет автор, – теперь нигде нельзя уже найти, ибо все уничтожается забвением» (...omnia delente oblivione).

После выпуска двух книжек Переводческая Комиссия отказалась от дальнейшего издания словаря. Перерыв продолжался целых пятнадцать лет. Только в 1927 г. возобновилось издание. Первый выпуск нового издания словаря представляет перепечатку прежних двух книжек с добавлением 55 страниц нового материала. В первых двух выпусках словаря чувашский текст сопровождался как русским, так и латинским переводом. В 3-м выпуске латинская часть уже выпущена, значительно сокращен и русский текст. Последний оставлен только для перевода основных чувашских слов, вся же фразеология оставлена без перевода. В настоящее время отпечатано 16 выпусков, 17-й (последний) в производстве. Каждый выпуск печатается в объеме не менее 20 печ. листов.

Словарь Ашмарина, широко задуманный автором и подготовленный в течение более 30 лет, содержит богатейший лексический материал по чувашскому языку, по всем его диалектам и говорам. Кроме обычных слов,

сюда вошли слова детские, подражательные, которыми вообще богат чувашский язык, названия селений, урочищ, рек, озер, лесов, полей, личные имена, в особенности старые языческие имена чуваш. Почти все слова сопровождаются обширной фразеологией, позволяющей уловить малейшие оттенки значения каждого слова. При некоторых словах приводятся пространные описания, характеризующие старый чувашский быт, предметы обихода, мифологию и предания чуваш, являющиеся ценными источниками для изучения истории языка, культуры и быта чуваш (см. слова автан сӑри, ака, анатри чӑваш, арман, уйӑх, йат, кантӑр и др.). Например, словарная статья «арман» занимает целых 60 стр. (II, 6–66), в ней мы находим подробнейшее описание мельниц – водяной и ветряной, свыше 500 названий его частей и 13 рисунков. Словарь Ашмарина до некоторой степени можно назвать энциклопедией чувашского быта, различные стороны которого рассматриваются здесь с достаточной полнотой на основании изучения обильного рукописного и печатного материала и собственных наблюдений автора. Поистине словарь этот составляет thesaurus linguae tschuwaschorum.

Высокое научное значение словаря Ашмарина неоспоримо. В предисловии к VI (первому посмертному) выпуску мы читаем: «Издание (Чувашским) Научно-Исследовательским Институтом многотомного словаря доктора туркологии Н.И. Ашмарина диктовалось тем, что названный труд представляет собою богатейшее собрание памятников чувашского языка, фольклора и этнографии... В научных целях необходимо было это культурное наследие, оставшееся нам от прежних лет, запечатлеть письменно и создать таким образом монументальный памятник, могущий служить основным источником в деле научного изучения чувашского языка.» *¹⁴ Подтверждает это и член-корреспондент Академии Наук С.Е. Малов в своей статье «Памяти Н.И. Ашмарина». Он здесь прямо заявляет, что «чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный словарь» **¹⁵, и далее он особенно подчеркивает, что «чувашские слова Н.И. Ашмариним брались как из живой речи и из области домашнего обихода, так и из народного фольклора, в последнем случае нередко из области шаманских легенд, сказаний и молитв, т.е. из той области, которая безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором.» ***¹⁶

И действительно, в Советском Союзе еще немногие народности имеют такие полные и в научном отношении строго выдержанные словари, как «Словарь чувашского языка» Ашмарина. Только словарь якутского языка Э.К. Пекарского (Ленинград 1907-1936) и «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова (СПб. 1888-1911) могут идти в сравнение с ним. Поэтому появление этого словаря как у нас в Союзе, так и за границей встречено было

---

¹⁴ * Предисловие это написано было тремя сотрудниками Института: редактором, А.С. Львовым и пишущим эти строки.

¹⁵ ** Записки Чувашского Н. И. И. языка, литерат. и ист, Вып. 1, стр. 136. 1941.

¹⁶ *** Там же, стр. 138.

весьма сочувственно и с большим интересом. Все ученые единогласно признают его «выдающимся явлением в области словарной работы, выдающимся памятником науки» (академики И.И. Мещанинов и И. Крачковский в своих письмах в Чувашский научно-исследовательский Институт).

В Западной Европе первая же книжка первого издания словаря Ашмарина сразу обратила на себя внимание французского журнала *Bulletin de la societe de linguistique de Paris*. В нем в 1911 г. лингвист Р. Готье (Nauthiot) в очень теплых выражениях приветствует появление словаря, попутно упоминает и прежние труды Ашмарина: «Материалы для исследования чувашского языка» и «Болгары и чувашаи». Готье отмечает полноту словаря, точность передачи значения слов, а также основательное знание автором языка и быта чуваш. В доказательство он ссылается на словарную статью «ака», где автор дает подробное описание старинного плуга чуваш, до 50 названий его частей и 4 рисунка (т. XVII, 152-154. №.59).

В XXIV томе финского журнала *Finnish-Ougrishe Forschungen* (1937 г. 45–54) Рясенен выражает большую радость по поводу того, что прежнее, сильно огорчившее известие из России о прекращении издания чувашского словаря Ашмарина за смертью автора оказалось ложным и что теперь получен словарь по IX вып. включительно. Далее отмечается большое значение словаря Ашмарина как для тюркского, так и для финно-угорского языкознания. Чувашский язык, с одной стороны, как представитель болгарско-тюркской языковой группы, сохранил много древних особенностей языка, а с другой, финно-угорские языки на Волге исторически испытали на себе сильное культурное влияние его и т.д. Указываются также и некоторые недочеты технического характера (см. ниже).

В настоящее время тюркологи в своих научных изысканиях пользуются почти исключительно словарем Ашмарина и отчасти Паасонена.*¹⁷ См. например, последнюю работу Gronbech'a «turkische Sprachbau. I. 1936.»

Некоторые особенности и недочеты в словаре Ашмарина

Но наряду с крупными достоинствами словаря нужно отметить и некоторые недочеты его. Прежде всего словарь этот не отражает тех социально-политических, хозяйственно-экономических и культурных сдвигов, которые произошли в Чувашии в результате Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. В словаре очень слабо представлен современный (пореволюционный) чувашский язык, и словарь этот в основном представляет собою памятник старого, дореволюционного чувашского языка. Но ставить это автору в вину не приходится: основную часть своей работы по составлению словаря он

---

¹⁷ * H Paasonen. *Csuvas szoqjegyzeke*. 1908; Этот словарь использован Ашмариным на все 100%.

проделал до революции, после революции же включил в словарь только некоторые самые ходкие слова, как колхоз, коммунист, комиссар, конституция, район, электричество и др., но нет в нем таких слов, как *колхозник, колхозница, коммунистка, республика, совет, социализм, совнарком, райисполком* и др.

Словарь чрезмерно насыщен фразеологией, которую в иных случаях свободно можно было сократить на 50% и даже более. Нередко для подкрепления определенного значения слова приводится до 20-30 примеров, совершенно однородных, не содержащих никакого нового оттенка значения. К отрицательным сторонам словаря нужно отнести также наличие в нем нескольких нецензурных слов, которые даны автором в латинской транскрипции. Начиная с VI выпуска, нецензурные слова систематически исключались.

В словаре имеются недочеты и чисто технического характера, заключающиеся в типографском оформлении его. Порядок расположения слов в словаре – алфавитно-групповой, заключающийся в том, что коренное и производные от него слова, а также слова, образующие с данным словом слитные речения, иногда в количестве до 50 (см. *ака*) и даже до 500 (см. *арман*), расположены одно за другим – сначала в алфавитном порядке первых слов, служащих определением к стоящему за ним основному слову и показывающих различные виды данного предмета, а затем в алфавитном порядке вторых слов, стоящих после основного слова и показывающих различные части предмета или различные действия, связанные с предметом, обозначенным основным словом, и словообразовательных аффиксов, прибавляемых к основному слову. Такое расположение слов, а также то обстоятельство, что в первых выпусках вся эта группа слов набрана одним и тем же шрифтом, сильно затрудняет нахождение нужных слов. Например, в группе слова «кайӓк» имеем:

кайӓк – дикое животное; дикая птица; дичь, дикий (даётся до 30 примеров),
усал кайӓк – зверь. Сред. Юм.

вёсен кайӓк – птица (говорится только о неприрученных птицах). СТИК.

вёсен кайӓк-кёшёк – дикие птицы. Н. Вёсен кайӓк-кёшёке пётерни.

сунатлӓ кайӓк – птица.

тискер кайӓк – дикий зверь. К.-Кушки.

хура кайӓк – черный дятел? (птица) Н. Хура вӓрман сӓнче хура кайӓк.

кайӓка сӓре – ходить на охоту

кайӓка сӓрекен – охотник. П. У.

кайӓкӓс – охотник. Бгтр.

Кайӓкёс – охотник. Н. Ватӓ кайӓкёс пӓшалне пӓртре те тӓратса сӓрет.
(Кушак).

Кайӓк кунӓсти – назв. раст. Рак., Кайсар. N 44. Тилё кёпси.

Кайӓк кусси, – косси, токование. Чертаг. Кайӓк коси – кайӓksam похӓнассё,
чупассё. Шест. Чертаг. СПВВ. МС. Кайӓк кусси пӓрт тӓпине тӓрӓх хурассё.

Кайӑк-кӑвакал, – кӑвакалӑ, – кӑвакал, дикая утка. И только через 30 слов и речений автор как будто возвращается к настоящему алфавиту: Кайӑксар-Шуршу, кайӑм и т.д. Но и здесь при внимательном рассмотрении обнаруживается технический недосмотр: слова Кайӑксар и Кайӑксар-Шуршу попали не в своё место, они должны были стоять на 15 слов выше – между «кайӑка сӑре» и «кайӑк сысна». В словарной же статье «арман» прорыв алфавита тянется на целых 60 стр.: с 6 стр. до 66 стр. идут слова и речения, связанные с основным словом «арман».

Затрудняет пользование словарем также принятый автором своеобразный алфавит, значительно отступающий от общепринятого. У него сначала идут гласные буквы: а, е, ы, и, у (о), ӱ (е), а, ё, а затем согласные в следующем порядке: й, в, к, л, ль, м, н, нь, п, р, с, с> т, ть, ч, ф, х, ш.*¹⁸ Помимо этого в изданных 16 томах все еще нет объяснения ни системы размещения слов по корням, ни разных сокращений и условных знаков, весьма многочисленных. Все эти необъясненные инициалы и непонятные условные знаки, как N. Б. БАБ. АС. НИП. КС. Ала. Чек. Сир. и пр. и пр. пестрят на каждой странице словаря и несколько снижают его научную ценность. На перечисленные недочеты технического характера указывают также и упомянутые выше иностранные лингвисты Готье и Рясенен, давшие, в общем, словарю высокую положительную оценку.

5. Труды по чувашской мимологии.

Много работал Николай Иванович также в области чувашской мимологии или подражательных слов. Сюда относятся следующие его работы: 1) Основы чувашской мимологии (О подражательных словах в чувашском языке). Казань. 1918. 10 стр.; 2) Подражание в языках Средн. Поволжья. «Известия Азербайджанского Университета». 1925 г. Общественные науки II-III, 143-158; IV, 75-99; 3) Немецкое Schlange в свете урало-алтайских подражательных образований. Научно-педагогический сборник Казанского Восточно-Педагогического Института. IV, 24-32. 1928; 4) К вопросу о происхождении латинского названия свинца (мимологический этюд). Научно-педагогический сборник Каз. Вост.-Педаг. Ин-та. V, 56-66. 1930; 5) О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Казань. 1928. 169 стр.

Профессор Ашмарин первый из тюркологов предпринял исследовательскую работу в этой совершенно незатронутой до него учеными области. Он первый установил генетическую классификацию подражаний и вообще мимологическую терминологию. Например, в последней работе «О морфологических категориях подражаний» им подвергнуто анализу 115

---

¹⁸ * Порядок алфавита начали указывать в словаре только с VI вып.

основных категорий подражаний, каждая из коих выражена соответствующей формулой.

Научные разыскания в области подражательных слов необходимы и представляют большой лингвистический интерес. Прежде всего подражательными словами особенно богаты языки на ранних стадиях своего развития, до появления строго отвлеченного мышления, языки примитивного строя. Далее, в строении подражательных слов наблюдается известная закономерность, например, наличие звука **н** в подражаниях звону металла (чан, танн...), наличие звука **л** в подражании световым явлениям (ял, йалт, йалтър-ялтър... и т.д.) «Например, чувашская мимема **панн**, – пишет Н.И. Ашмарин, – обозначает звук, получающийся при разрыве туго натянутой проволоки: хытӑ карӑ пралук татӑлса кайрӑ те, панн! янӑраса кайрӑ; а если проволока потоньше, то уже слышится **пӑнн**: сӑнсереххи пӑнн! янӑраса каять. Если бы звук при разрыве проволоки не сопровождался резонансом, то в первом случае сказали бы «пант», а во втором «пӑнт». (Морф, катег. подр., стр. 9). В каждом языке имеется небольшая группа слов, обязанная своим происхождением подражательным словам: ср. чув. куккук, чӑпчӑм, русск. кукушка, пигалица и др. Вообще подражательные слова представляют интересную тему для лингвиста, но Н.И. Ашмарин несколько уклонился от правильного пути исследования. Увлечение его подражательными словами объясняется тем, что он хотел воскресить давно схороненную в науке звукоподражательную теорию происхождения языка. Ему хотелось доказать, что все слова в любом языке произошли от подражательных слов. «Нужно полагать, – пишет он, – что многие слова в современных нам и древних языках не могут найти себе объяснение в подражании только по той причине, что мы не знаем их первоначального значения и нам неизвестно, какая сторона или какое свойство того или другого предмета вызвало в языке к жизни мимему, сделавшуюся впоследствии его постоянным названием. Кроме того многие вещи издавна являются не собственными, а метафорическими обозначениями предметов, и утеря словом его собственного значения в языке может сделать отыскание его первоначального смысла невозможным...»¹⁹. Отсюда вполне понятно, что, по мнению Ашмарина, не только чувашское лап, лаптак, кӑштӑркка, шӑн; но и немецкое Schlange – змея и латинское plumbum – свинец произошли из подражательных слов... Он и в своем докладе на первом всесоюзном тюркологическом съезде в Баку выражал сильное сожаление о том, что «не изучен и почти совершенно обойден исследователями древний пратюркский элемент в языке, заключающийся в подражательных словах. Необходимо было тщательно собрать эти древние словообразования: они помогут нам довести наши исследования до очень отдаленной эпохи, когда слова еще являлись прямыми отражениями и выражениями настроений и

---

¹⁹ *о морфологических категориях подражаний, стр. 140.

подражательных стремлений, а не условными символами...» (Первый тюркологический съезд. 1926 г. Стр. 145–146).

Такая отсталая теория, выдвинутая еще в XVIII в., давно отвергнутая в науке и в корне противоречащая марксистской теории происхождения языка и всему тому, что твердо установлено было акад. Марром в новом учении о языке, составляет отрицательную сторону научной деятельности Ашмарина. Его мимологические опыты не следует популяризировать, как это имело место в прошлом, при жизни автора, когда даже студенты были вовлечены в эту работу (см. работу студента П.П. Петрова в приложении к книге «О морфологических категориях подражания» стр. 153-156). Его мимологические наблюдения, собранные и систематизированные им материалы представляют большой лингвистический интерес для науки, но выводы автора неприемлемы для нас, они несостоятельны, порочны, антинаучны.

Хотя Н.И. Ашмарин представлял собою высокоодаренную личность, но тем не менее и ему, как и всякому человеку, не чужды были некоторые слабости и противоречия. Ввиду того, что он с юных лет впитал в себя отсталые идеи буржуазного языкознания, ему уже на склоне лет трудно было стать на путь проверки своей научной работы с точки зрения марксистско-ленинской теории, трудно было подняться до марксистского понимания закономерностей языка и динамики мышления. Этим только и можно объяснить, почему отстаивал он отсталую звукоподражательную теорию происхождения языка.

6. «Болгары и чувашы»

В конце 70-х годов прошлого столетия академик А. Куник писал: «Когда я стал себе выяснять прошлое и настоящее положение приволжских народов, особенное мое внимание обратили на себе остатки чувашей (в губ. Казанской, Симбирской и др.), и я скоро пришел к убеждению, что в чувашах мы имеем остаток одной группы старо-тюрков, которые, еще задолго до вторжения татар, поселились в местности, ныне обитаемой чувашами (среди волжских финнов). Чем более я вдумывался в отношении чувашей к вымершим камским болгарам, тем более убеждался, что в чувашах мы встречаем, если не остатки так называемых белых или серебряных болгар (камских болгар), то все же одну из тюркских отраслей, к которой принадлежали и жители болгарского ханства в среднем Поволжье, а также убеждался в том, что когда-нибудь при помощи чувашского языка, равно как при пособии встречающихся еще и до настоящего времени в земле чувашей собственных и топографических названий, ученые внесут свет в область изучения древнетюркского элемента, замечаемого у хакано-болгар на Дунае, у черных болгар на Кубани, у хазар и у других незначительных тюркских племен, известных нам почти только по одним русским летописям» *²⁰.

---

²⁰ * О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именованию. Записки Академии Наук за 1879 г. т. XXXII. Приложение 2, стр. 118, 120-121.

Ожидания академика Куника блестяще оправдались при его же жизни, на закате его дней (1814-1903) с появлением весьма обстоятельной работы Н.И. Ашмарина «Болгары и чуваш» **²¹. Работа эта представляет собою систематизацию материалов, относящихся к вопросу о племенных и лингвистических отношениях древних болгар к современным чувашам. Она носит итоговый характер: здесь автор обобщает все высказанное по данному вопросу его предшественниками. «Я решил, – пишет он, – составить небольшой обзор тех сведений, какие представляет нам литература о Волжской Болгарии, дополнив их некоторыми новыми соображениями, вытекающими из рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении лингвистических данных». (Стр. 3). И действительно, Н.И. Ашмарин в этом исследовании рядом новых лингвистических и исторических данных окончательно обосновал болгарскую теорию происхождения чуваш. В настоящее время считается уже окончательно доказанным, что чувашский язык является потомком языка древних Волжско-Камских болгар или, по крайней мере, их можно считать отдельными диалектами одного и того же языка.

О языке древних болгар нам приходится судить по весьма скудным данным. Из этих данных Ашмарин рассматривает: 1) слова, оставшиеся от языка гуннов; 2) некоторые наименования, сохранившиеся от древних дунайских болгар; 3) имена болгарских каганов, переданные нам греческими авторами и сохранившиеся в болгарском именнике; 4) редкие болгарские слова, встречающиеся в русских летописях и у арабских писателей и 5) надгробные надписи (эпитафии).

Гунские слова *Var* – название реки Днепра (тюрк. Озу, ұзұ), *Аттила* – имя гунского вождя, и *Керка* – имя его жены, Ашмарин сближает с чувашскими словами: *вар* – овраг, долина, *Атъл* – Волга, *Хёркке* – языческое женское имя (ласкательно-уменьшительная форма от *хёр* – девушка).

Русские летописи высшее сословие болгар, болгарскую знать называют «трунове». Слово это напоминает Н.И. Ашмарину названия чувашских селений *Търән*, *Търәм* (Торон, Тором), стр. 17. Магьярский ученый Мункачи в 1903 г. в своей статье *A volgai bolgarokrol* (*Ethnographia* XIV, 66-76; 147-152; 261-265), разбирая книгу Ашмарина «Болгары и чуваш», распространяет сравнение слов *турун*, *Търәм*, далее. Слова *трунове* русских летописей он сопоставляет с тюркским словом *tudun* и приходит к тому этнологическому выводу, что нынешние чуваш представляют собою смесь черноволосых тюрков с белокурыми финнами и отношение между чувашским и древнеболгарским языком такое же, как между древним латинским и нынешними романскими языками.

Позднее, в 1918 г., академик А.А. Шахматов, не зная об указанной статье Мункачи, снова возвращается к вопросу о родстве болгар и чуваш. В

---

²¹ ** Отдельный оттиск из XVIII тома журнала «Известия общества археологии, истории и этнографии». Казань. 1902.

своей статье «Заметка о языке волжских болгар» слово *турунове, тьрун, турун*, встречающееся в русских летописях под 1230 г., сближает он с тюркским словом «тудун», засвидетельствованным в языке древних тюрков, аваров и хазар. По мнению Шахматова, наличие в языке волжских болгар произношения «турун», вместо тюркского «тудун», может служить подтверждением мнению, что чувашский язык – преемник языка волжских болгар. (Сборник музея антропологии и этнографии при Академии Наук, V, вып. I, 395-397 стр.).

Анализ отдельных слов, сохранившихся от древних дунайских болгар и анализ имен болгарских каганов, содержащихся в известном болгарском именнике, дает слишком мало материалов для сближения и сопоставления их с чувашскими словами. Ашмарину приходится в данном случае прибегать к большим натяжкам и мало вероятным предположениям, а потому мы оставляем их в стороне.

Наиболее же важными и ценными памятниками древнеболгарского языка нужно считать надгробные надписи, относящиеся к 1297-1357 гг. Все они написаны на арабском языке и в большинстве случаев содержат изречения из Корана. При этом среди арабского текста встречаются неарабские слова, означающие хронологические даты и личные имена. Дешифровка неарабских слов и обнаружила в них чувашские элементы. Разбором болгарских надгробных надписей занимались многие ученые: Юлий Клапрот,²² И.Н. Березин, **²³ Н.И. Ильминский, ***²⁴ Н. Ахмаров ****²⁵ и др. На присутствие чувашских слов в этих надписях впервые указал Хусейн Фейзханов в 1863 г. в статье «Три надгробных болгарских надписи». *****²⁶ До него в чувашских числительных *ziat zur* – *çич çёр* (семьсот) усматривали (напр. Березин) арабские слова и переводили их как «пришествие угнетения» и к оправданию этого названия строились разные гипотезы. «Под фразой «пришествие угнетения», – читаем мы в книге «Булгар на Волге», – только и можно понимать нашествие какого-нибудь завоевателя. Сложив буквы анаграммы *ziatî zur* по численному их значению мы получим 623-й год гиджры или 1226 г. нашего летосчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов»... (стр. 61)

Н.И. Ашмарин вновь пересмотрел все разобранные до него надгробные надписи и в результате тщательного обзора их обнаружил здесь следующие чувашские слова (стр. 103):

---

²² * J Klaprot. Notiae et explication des inscriptions de Bolghari. Nouveau Journal Asiatique. 1831, VIII pp. 483-503.

²³ ** Булгар на Волге. Ученые Записки Казанского Университета за 1852 г., кн. III. стр. 74.—160 и отдельное изд. 1853 г.

²⁴ *** О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками. Известия археологич. об-ва. т. V, стр. 80- 24. СПб. 1865.

²⁵ **** Рукописный отчет о поездке с археологической целью в разные уезды Казанской губернии. 1894. Ср. также (Болгарская история) Казань. 1909.

²⁶ ***** Известия археологического общества за 1863 г. СПб т. IV. Стр. 395.

Транскрипция надписей* ²⁷	Предполагаемое произношение	Теперешнее чув. произношение	Значение слов
zal	сял, сел	çул, çол	год
aih	айăх	уйăх, ойăх	месяц
kun, kon	куйăн, кун	кун, кон	день
ul	ул	ывăл, ул	сын
hir	хир	хёр	дочь
beluk	пăлик	палкă	знак
Timraz	Тимрăс	тимёрёç	языч. имя
zur	çер	çёр	сто
ziat	çиăди	çиччёр	семь
zirem	çирим	çирём	двадцать
thr	тоhor	тăххăр, тоххор	девять
van, wan	ван	вун, вонă, вон	десять
sakt	сăкир	саккăр, сакър	восемь
tuadim	туăдим	тăватăм	четвертый
ial-im	пиăлим	пиллёркём(ёрш)	пятый
ziarmens	çиърминиш	çирёмёрш	двадцатый

В рассматриваемой книге «Болгары и чуваши» самому Ашмарину принадлежит разбор одной только надгробной надписи, уцелевшей на камне в селе Байглычеве (в 60 км от г. Тетюши). Позднее разобраны были им еще несколько надгробных надписей, и результаты опубликованы в журналах под заглавиями: «Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани. Казань. 1905, 21 стр.»**²⁸ и «Болгарские надписи, найденные около села Тукмакла»***²⁹

В первой статье он приходит к следующему выводу: «Повидимому, в XIII в. (памятник датируется 1297 г.) в окрестностях Казани существовало культурное население, говорившее на языке, близком к языку нынешних чуваш». Разобранные во второй статье памятники датируются 1347-1348 и 1357 годами. Здесь между прочим встречаются чувашские слова: *ул*, нынешнее *ывăл*, диал. *ул* – сын, – *хёрёр сакър* – сорок восемь и др.

К рассматриваемой же серии статей относится и небольшая статья профессора Н.И. Ашмарина, опубликованная им в 1923 г. в XXXII томе журнала «Известия общества археологии, истории и этнографии» под заглавием «Несколько слов о труде J. J. Mikkoла. Хронология дунайских болгар» (стр. 227-237). Здесь он вносит свои поправки к объяснению финского ученого Микколя некоторых слов болгарского именника, как *текучителем*, *верениалем*, *твирем* и др. Так как слова болгарского

²⁷ * За неимением арабского шрифта слова даны в латинской транскрипции, но некоторых знаков не оказалось.

²⁸ ** Отдельный оттиск из 21 т. «Известия об-ва истории, археологии и этнографии», стр. 92-112.

²⁹ *** «Изв. об-ва обследования и изуч. Азербайджана». 1928. № 4, стр. 16-21

именника, как эти, так и рассматриваемые Ашмариным в книге «Болгары и Чувашии», подверглись сильному искажению, то анализ их, как выше было замечено, не дает убедительных доводов в пользу болгарской теории происхождения чуваш. Как объяснение Микколя, так и предполагаемые Ашмариным поправки одинаково мало приближают нас к истине.

После Н.И. Ашмарина болгарские надписи вновь пересмотрены были профессором Казанского Государственного Университета Н.Ф. Катановым. В опубликованной им в 1920 году брошюре «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках». Казань, 13 стр. он, вопреки общепринятому чтению арабской буквы алиф за «а», предлагает читать ее за «о». «Так как во всех надписях Поволжья, – пишет он, – звук *о* на персидский лад передается через знак *алиф*, то последовательнее было бы транскрибировать так: *zal* через *сол* и *kup* *кон...* В заключение следует заметить, – прибавляет он, – что диалект надписей есть окающий, а не укающий (*сол, кон, вон, ойӑх, олттӑ, тохӑр, вотор*), тот самый диалект, которым говорят ныне коренные чуваша уездов Курмышского, Козмодемьянского, Ядринского, Чебоксарского»... (стр. 7,13).

Таким образом, болгарская теория происхождения чуваш, впервые высказанная еще в первой половине XVIII в. Татищевым в его «Истории Российской»^{*30} и решительно поддержанная Хусейном Фейзхановым, особенно А.Ф. Лихачевым на втором археологическом съезде в Петербурге (Ленинграде) в 1871 г. в его докладе «Бытовые памятники Великой Булгарии»^{*31} – после исследовательско-обобщительных работ проф. Ашмарина становится в науке неоспоримой истиной. Неоспоримость этой истины в последнее время авторитетно подтвердил и академик Н.Я. Марр. Последний, исходя из данных нового учения о языке (яфетического языкознания), решительно заявляет, что «в средние века чуваша выступают активными участниками и творцами двух известных восточно-европейских национальных образований – хазарского и болгарского. Чуваша, несомненно, народность одного круга с хазарской и болгарской, с последней из которых они имеют непосредственные связи и исторические и этнические в такой мере, что вопрос об их отождествлении может быть поставлен совершенно

---

³⁰ * См. В.Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен. 1. Москва. 1768, (Рукопись автором была приготовлена к печати еще в 1739 г.). Здесь он пишет: «Болгары Вольские были рода и языка сарматского, что нам вставшее их поселянство Чуваша удостоверяют» (стр. 458). «Вниз по р. Волге чуваша, древние болгары, наполняли весь уезд Казанской и Синбирской» (317).

³¹ * Труды 2-го археологического съезда, вып. 1 отд. II, стр. 1-50. 1876. В них мы читаем: «Язык, на котором говорили болгары, был тюркского корня и все заставляет полагать, что он сам был корнем теперешнего чувашского диалекта, ибо немногие дошедшие до нас слова этого языка могут быть объясняемы только с помощью одного лишь чувашского идиома. Этот факт наводит на мысль, что в отдаленной древности и самые чуваша говорили болгарским языком, из которого с течением времени выработался нынешний чувашский язык, и вместе с тем служит важным доказательством в пользу мнения, что теперешние чуваша более всех других инородцев, живущих в Казанск. губ., имеют права на то, чтобы быть признанными прямыми потомками древних болгаров» (стр. 2-3, 7, 39).

всерьез научно. Болгарская общественность, средневековая болгарская культура, болгарское царство было делом рук чувашского народа». **³².

Также и академик Н.С. Державин в своей последней работе «История Болгарии» I, 1945 приходит к выводу, что болгары – это союз племен, по своему происхождению они принадлежат к древнейшим доиндоевропейским народам на территории Восточной Европы, образуя собою народ одного круга с чувашами, сарматами, хорватами и хазарами, наиболее родственный этнографически с чувашами» (стр. 181).

7. Другие работы Н.И. Ашмарина

Рассмотренными работами почти исчерпываются исследовательские работы Николая Ивановича по чувашскому языку. Сюда можно прибавить еще небольшой очерк «Отголоски золотоордынской старины в народных верования чуваш». Казань. 1921. 36 стр.

Егоров, В. Г. Биографические сведения о Н. И. Ашмарине / В. Г. Егоров // Н. И. Ашмарин - как исследователь чувашского языка. – Чебоксары, 1948. – С. 6-35.

---

³² ** Чуваша-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 65.